

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО – ОБЩАЯ ПАМЯТЬ? ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В XXI ВЕКЕ*

Линченко Андрей Александрович,

Липецкий филиал Финуниверситета,
кандидат философских наук, доцент,
Липецк, Россия,
ORCID: 0000-0001-6242-8844,
E-mail: linchenko1@mail.ru

Беяева Елена Валериевна,

Белорусский государственный университет,
Кафедра философии культуры,
кандидат философских наук, доцент,
Минск, Республика Беларусь,
ORCID: 0000-0002-0726-9542,
E-mail: bksisa@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 15.05.2020, принята к публикации 09.06.2020

Для цитирования: Линченко А.А., Беяева Е.В. Союзное государство – общая память? Этические основания исторической политики России и Беларуси в XXI веке // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 97–111. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10206

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-511-00001 «Моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры».

© Линченко А.А., Беяева Е.В., 2020

Аннотация

Целью данной статьи является сравнительный анализ нормативно-ценностных установок исторической политики Беларуси и России, а также исследование наиболее перспективных этических оснований согласованной исторической политики союзного государства. Авторы данной статьи опирались на конструктивистский подход, что позволило связать образы памяти с социально-культурными контекстами и политическими практиками. В работе был осуществлен сравнительный анализ основных этапов исторической политики России и Беларуси, а также выявлены различия в ценностно-нормативном обосновании исторической политики в странах-участниках союзного государства. Были использованы методологические идеи этики ответственности Х. Йонаса для выработки согласованных версий исторической политики союзного государства. Сравнительный анализ основных этапов, а также ценностно-нормативных оснований исторической политики показывает, что, несмотря на то что в обоих государствах центральным событием культуры памяти продолжает оставаться Великая Отечественная война 1941–1945 гг., отношение к советскому времени уже не является ключевой этико-мировоззренческой основой интеграции культурной памяти и исторической политики в союзном государстве. Это связано не только со спецификой форм посткоммунизма, но и с различием темпоритмов исторической политики. Современный этап реализации исторической политики и в России, и в Беларуси по-прежнему связан с доминированием государства, и демонстрирует явные тенденции роста консервативных, национально-ориентированных ценностей в обращении к прошлому. Общим фоном в данном случае является слабая консолидированность белорусской и российской нации, незавершенность перехода к гражданской нации в обоих государствах, а также инертность негосударственных акторов исторической политики. Рост консервативных тенденций и национально-ориентированных интерпретаций истории в России и Беларуси вряд ли будет способствовать сближению двух государств, поскольку в основе их лежит традиционная этика долга, воспроизводящая в различных формах этноцентризм. Научная новизна состоит философско-методологическом исследовании ценностно-нормативных оснований исторической политики на основе этики исторической ответственности, что предполагает синтез противоречивых оценок прошлого как моральной программы.

Ключевые слова:

историческая политика, культура памяти, историческая память, союзное государство России и Беларуси, этика ответственности.

UNION STATE – COMMON MEMORY? ETHICAL FOUNDATIONS OF THE HISTORICAL POLICY OF RUSSIA AND BELARUS IN THE 21ST CENTURY

Linchenko Andrei Aleksandrovich,

Financial University, Lipetsk branch,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Lipetsk, Russia,
ORCID: 0000-0001-6242-8844,
E-mail: linchenko1@mail.ru

Belyaeva Elena Valerievna,

Belarusian State University,
Department of Philosophy of Culture,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Minsk, Republic of Belarus,
ORCID: 0000-0002-0726-9542,
E-mail: bksisa@rambler.ru

Article received on May 15, 2020, accepted on June 9, 2020

To cite this article: Linchenko, A.A., Belyaeva, E.V. (2020). Soyuznoe gosudarstvo – obshhaya pamyat'? E'ticheskie osnovaniya istoricheskoy politiki Rossii i Belarusi v XXI veke [Union state – common memory? Ethical foundations of the historical policy of Russia and Belarus in the 21st century]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 97–111. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10206

Abstract

The purpose of this article is a comparative analysis of the normative-value attitudes of the historical policies of Belarus and Russia, as well as a study of the most promising ethical foundations of agreed versions of the historical policies of the union state. The authors relied on a constructivist approach, which allowed to connect the images of memory with socio-cultural contexts and political practices. A comparative analysis of the main stages of the historical policy of Russia and Belarus was carried out, as well as differences in the value and regulatory justification of historical policy in the member states of the union state were identified. The methodological ideas of the ethics of responsibility of H. Jonas were used to develop agreed versions of the historical policy of the union state. A comparative analysis of the main stages, as well as the value-normative foundations of historical politics, shows that despite the fact that the Great Patriotic War of 1941–1945 continues

to be the central event of the culture of memory in both countries, while the attitude to the Soviet era is no longer a key ethical-worldview for the integration of cultural memory and historical policy in a union state. This is due not only to the specifics of the forms of post-communism that have developed in Russia and Belarus, but also to the difference in the rates of historical politics in the interval of the last three decades. The current stage in the implementation of historical policy in both Russia and Belarus is still associated with the dominance of the state and demonstrates clear trends in the growth of conservative, nationally-oriented values in addressing the past. The general background in this case is the weak consolidation of the Belarusian and Russian nations, the incomplete transition to a civil nation in both states, and the inertia of non-state actors in historical politics. The growth of conservative trends and nationally-oriented interpretations of history in historical politics in Russia and Belarus is unlikely to contribute to the rapprochement of the two states, since they are based on the traditional ethics of duty, which reproduces ethnocentrism in various forms. The scientific novelty of the article consists of a philosophical and methodological study of the value-normative foundations of historical policy based on the ethics of historical responsibility, which involves the synthesis of conflicting assessments of the past as a moral program.

Keywords:

historical politics, culture of memory, historical memory, union state of Russia and Belarus, ethics of responsibility.

Введение

Несмотря на то что союзный договор между Россией и Беларусью был подписан более двадцати лет назад, контуры экономического и политического единства по-прежнему остаются крайне размытыми и подвижными. Казалось бы, на фоне экономических и политических споров наименее проблематичной выглядит прошлое двух народов и стран. Однако и этой сфере, несмотря на длительную историю совместной жизни в одном государстве, наблюдается наличие целого ряда противоречивых тенденций. В разделенном историческом опыте Беларуси и России акцентирование моментов общности, как и выпячивание моментов конфликтности, в равной степени исторически необъективно и этически некорректно. Наличие общих участков опыта не означает их априорное нравственное одобрение, а конфликты прошлого не должны задавать контекст этической интерпретации современных отношений двух стран.

Целью данной статьи является сравнительный анализ нормативно-ценностных установок исторической политики Беларуси и России, а также исследование наиболее перспективных этических оснований, которые могли бы быть положены в основу более согласованных версий исторической политики союзного государства. Вместе с тем заявленная цель требует обращения внимания на вопрос о динамике культуры памяти в России и Беларуси, начиная с 1991 года. Данный вопрос представляется актуальным в свете распространенного сегодня тезиса о многообразии форм посткоммунизма в Восточной Европе и, как следствие, различных стратегий исторической политики (Бордюгов, 2011).

Авторы данной статьи опирались на конструктивистский подход, который предполагает, что восприятие прошлого, отбор значимых свидетельств о нем и способы их конфигурации предопределяются и формируются социально-культурными контекстами и практиками памяти и забвения. В этой связи важнейшую роль в формировании конфигурации коллективных воспоминаний играет историческая политика. Сама историческая политика трактуется как «политическое использование истории» (Миллер, 2012а, с. 8). В нашей работе мы будем интерпретировать историческую политику как политику государства в отношении прошлого, и будем рассматривать культуры памяти России и Беларуси в контексте основных этапов и специфики исторической политики двух государств. Далее на основе идей М. Вебера, Т. Адорно и Х. Йонаса мы постараемся проанализировать возможности современных этических подходов как ценностно-нормативных оснований более согласованной исторической политики союзного государства.

Проблемы согласования общесоюзной исторической политики находили лишь относительно рассмотрение в отдельных работах в последние годы (Бахлова, 2019; Донцев, Бойко, 2019). В свою очередь, несмотря на то что российская тема постоянно присутствует в работах белорусских исследователей (Браточкин, 2016; Буховец, 2010; Ластовский, 2009; Линднэр, 2003; Марплз, Падгол, 2008; Шадурский, 2014; Rudling, 2008), прямых исследований вопросов согласования исторической политики союзного государства и ее этических оснований не предпринималось.

Результаты исследования

События распада СССР, создавшие принципиально новую общественно-политическую ситуацию трансформации коллективных воспоминаний как в России, так и в Беларуси, критическое отношение к советскому опыту, раскол общественных сил и надежды на успех демократических преобразований – фон, определивший контуры трансформации массовых и элитарных представлений о прошлом в начале 90-х гг. Единственным событием, этикомировоззренческое значение которого не было поколеблено в ходе пересмотра большинства общественных ценностей, оказалась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (Миллер, 2012b).

Однако после 1991 года мы должны говорить о совершенно различных темпоритмах исторической политики в России и Беларуси, не подвергшихся существенному изменению даже после подписания союзного договора 1999 года. В этой связи мы сопоставили уже предпринимавшиеся в российской и белорусской литературе попытки периодизации исторической политики (Браточкин, 2016; Миллер, 2012b; Шадурский, 2014), а также соотнесли их с базовыми ценностями исторической политики в интервале с 1991 по 2019 год.

Культурная память и историческая политика в России и Беларуси в 1990-е–2000-е годы

На сегодняшний день можно говорить об определенной общности взглядов белорусских исследователей, предлагающих различать, как мини-

мум, три этапа трансформации культурной памяти и исторической политики в Республике Беларусь: период 1988–1994 гг., период 1994–2003 гг., а также период 2003–2016 гг.

Первый период, захвативший эпоху перестройки и начало 90-х годов прошлого века, ознаменован целым рядом различных попыток конструирования белорусской национальной идентичности в первую очередь на этнической основе. Речь шла о расширении использования белорусского языка, создании национальной концепции интерпретации истории Беларуси (Шадурский, 2014, с. 10). Предлагается говорить, как минимум, о двух основных тенденциях новой культуры памяти: попытках институционализации новых интерпретаций прошлого, и в первую очередь дискуссии о сталинских репрессиях, а также о своеобразном расколе культуры памяти, связанном с появлением различных сообществ памяти (Браточкин, 2016). Приход к власти в 1994 году Александра Лукашенко и его историческая политика стали причиной своеобразного раскола общества и формирования двух параллельных культур памяти: национальной и «ненациональной» (Лінднэр, 2003). В данном случае «ненациональная» культура памяти отсылала к ностальгии по определенным элементам советского исторического опыта. Подобная обращенность власти к ностальгическим чувствам значительной части белорусов опиралась на проведенный общенациональный референдум. Руководствуясь итогами референдума (май 1995 г.) и социологических опросов населения, А. Лукашенко инициировал процесс изменения учебников истории, главной особенностью которых должно было стать отсутствие национализма и прекращение культивирования образов исторического врага (Буховец, 2010, с. 40).

Следующий период охватывает хронологический этап с 1994 года по 2003 гг., и связан с активизацией курса на создание Союзного государства с Россией, тенденциями ресоветизации культуры памяти, а также интенсивным продвижением советского нарратива истории в образовательном и культурном пространстве. При этом белорусские исследователи подчеркивают, что советское прошлое рассматривается как ресурс, поставленный на службу действующей политической власти и ее успехам (Браточкин, 2016; Шадурский, 2014, с. 12). Вместе с тем центральным событием всей исторической политики в Беларуси, выступающим этико-мировоззренческой платформой для ее различных направлений, оставалась Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Третий этап трансформации исторической политики и культуры памяти Республики Беларусь берет свое начало в 2003 году, и продолжается до настоящего времени. Его важнейшая отличительная особенность – медленное, но заметное движение исторической политики в сторону реабилитации национальной истории Беларуси и особой роли эпохи Александра Лукашенко, что отражало результаты трансформации ценностей новых поколений белорусов. Так, в 2018 году Институтом социологии НАН Беларуси были выявлены три «главных» события истории республики в массовом сознании: Победа над фашистской Германией и освобождение Беларуси (58,5%), обретение независимости в 1991 году (22,2%), авария на ЧАЭС (21,2%). Причем, как отмечают исследователи, «молодежный фокус внимания в пространстве исторической памяти отличает преимущественный (относительно старшего

поколения) интерес практически ко всей истории вне советского периода: от образования Полоцкого княжества и крещения восточных славян до создания БНР и обретения государственности в 1991 году. А «точкой сбора» здесь выступает Великое княжество Литовское» (Коршунов, 2019, с. 5–6). Подводя итоги исторической политики и выделяя ее основные ценностные доминанты, А. Браточкин указывает на наиболее заметные стратегии: апроприация (присвоение) и реинтерпретация (перекодирование) советского нарратива истории и советских «мест памяти», постепенное исчезновение «ностальгических» мотивов; опора уже на собственную историю режима, а не только на отсылки к советской истории (создание собственных «мест памяти»); апроприация и присвоение исторической риторики бывших политических противников, включение ряда ранее «запретных» исторических тем в официальный канон истории (Браточкин, 2016). В данном случае повышается селективность исторической политики, которая отбирает только наиболее эффективные и узнаваемые советские образы. В частности, в отношении Великой Отечественной войны идет постепенная смена акцентов и уход от «советского народа» как победителя к «белорусскому народу», победившему захватчиков и понесшему огромные человеческие жертвы (Кисель, 2008, с. 17). Белорусские исследователи отмечают дифференциацию образов культурной памяти в разных возрастных группах, но не говорят о наличии существенного «конфликта поколений». Несмотря на огромное позитивное значение памяти о Великой Отечественной войне, отмечается, что «советская история не может выступать в качестве объединяющего фактора для целостной исторической памяти» (Ластовский, 2009, с. 99).

В отличие от белорусского контекста, многолетние опросы ВЦИОМ (От Ельцина до Путина, 2007, с. 161) дают основания исследователям утверждать о постепенном росте неоконсервативных представлений простых россиян, ориентации населения на идеалы социальной справедливости, воплощенные в определенной ностальгии по советской эпохе в оценках всех поколений (и прежде всего эпохам Брежнева и Сталина) (Горшков, Шереги, 2009, с. 31). Заслуживает внимания тезис о глубокой антимобилизационности российского общества (От Ельцина до Путина, 2007, с. 179). Подчеркивается незавершенность формирования российской нации (От Ельцина до Путина, 2007, с. 183). Социологические исследования фиксируют определенную гомогенность исторической памяти и единство в оценках прошлого разными поколениями россиян. Ключевым историческим событием продолжает оставаться Великая Отечественная война.

Говоря об основных этапах исторической политики в России и ее ценностно-нормативных основаниях, мы будем использовать идеи Алексея Миллера, который в своей работе 2012 года предлагал говорить, как минимум, о трех этапах: от эпохи перестройки до 2003 года, период 2003–2008 гг., период 2009–2012 гг. (Миллер, 2012b; Миллер, 2015). Сегодня мы также можем с уверенностью говорить еще об одном этапе, который начинается в 2013–2014 году и продолжается до настоящего времени.

Первый период исторической политики в России охватывает 1990-е годы, и длился до 2003 года. Поскольку влияние антикоммунистической риторики было достаточно сильным, а новая объединяющая общество идеологическая

конструкция была не выработана, история практически перестала использоваться государством в политических целях. В этой связи исследователи говорят о периоде 90-х годов как «архивной революции» в России, методологическом плюрализме в оценке советской эпохи, росте числа общественных коммемораций сталинских репрессий, большом количестве учебников истории, представлявших различные взгляды на дореволюционное и советское прошлое. Вместе с тем А. И. Миллер подчеркивает две важные тенденции, ярко обозначившиеся в данный период: во-первых, «в России так и не возникли государственные ритуалы коммеморации жертв советского режима», а во-вторых, в отношении истории «национализация не сопровождалась радикальным пересмотром пантеона выдающихся деятелей – происходило скорее постепенное добавление персонажей из «белого» лагеря» (Миллер, 2012b, с. 330).

Следующий период, приходящийся на 2003–2008 годы, характеризуется целым рядом противоречивых тенденций. С одной стороны, начало правления В. В. Путина было связано с разнонаправленными тенденциями в формирующейся исторической политике, где попытка отыскать компромисс отражала стремление принять прошлое как «общее достояние». С другой стороны, объединяющие трактовки истории так и не были найдены, а «вместо этого возникла крайне противоречивая конструкция, которая держалась, прежде всего, на умолчании о проблемах и ответственности» (Миллер, 2012b, с. 331).

Период 2009–2012 годов характеризуется как противоречивый, осложненный как внешнеполитическими, так и внутриполитическими спорами. На внешнеполитической арене были предприняты шаги по нормализации отношений с Польшей и Украиной по вопросам интерпретации сталинских репрессий и Катынского дела. Во внутренней политике президент Д. А. Медведев обозначил явный поворот в сторону осуждения преступлений сталинизма, чем инициировал антикоммунистическую риторику. Однако при всем при этом последнего слова о решительном повороте исторической политики сказано так и не было.

Определенным рубежом в дальнейшем развитии исторической политики признается 2013 год, когда власть окончательно поворачивает в сторону идеи создания единого учебника истории и инициирует процессы создания контролируемых общественных структур (Ассоциация школьных учителей истории и обществознания, Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество).

Наконец, в 2014 году явно наметились контуры нового этапа исторической политики. Речь идет о целом ряде событий, которые свидетельствовали о существенном росте консервативных, антилиберальных и националистических настроений в ценностно-нормативном обосновании новой исторической политики. Центральным элементом всей исторической политики России после 2014 года вновь оказывается Великая Отечественная война, коммеморации которой приобретают черты позднебрежневской эпохи и отсылают к идее империи. При этом власть стремится избегать выхода за определенные границы острых исторических дискуссий, что показала ситуация с коммеморациями Октябрьской революции в России в 2017 году (Малинова, 2018, с. 55).

*Субъекты исторической политики в России и Беларуси:
опыт сравнительного анализа*

В этой связи вопрос о поиске неких общих этико-нормативных ориентиров во многом связан с вопросом о субъектах исторической политики, которые не ограничиваются только отношениями между государственными структурами. Важнейшая роль в этом деле принадлежит политическим и общественным деятелям. Материалы белорусских исследователей, а также наши собственные исследования (Аникин, Линченко, 2017) показывают, что как в российском, так и в белорусском случаях в современных условиях определяющим субъектом исторической политики продолжает оставаться государство. Общим фоном в данном случае является слабая консолидированность белорусской и российской наций, незавершенность перехода к гражданской нации в обоих государствах.

В 90-ые годы российское государство устранилось от целенаправленной исторической политики, предпочитая ситуативные высказывания по поводу конкретных событий. Основные политические партии, сформировавшиеся в эти годы, избрали различные нарративы обращения к прошлому. На этой стадии советское наследие служило неотъемлемым элементом построения моделей исторической памяти – либо в качестве основы, либо в качестве точки для отталкивания. На второй стадии, в 2010-е годы, происходит постепенное расширение тех исторических ресурсов, которые используются для легитимации политического порядка или поиска альтернативных оснований для его трансформации. В условиях дробления единого пространства памяти государство начинает играть не свойственную ему прежде роль – не рискуя принимать на себя ответственность за проведение целенаправленной исторической политики, оно начинает выполнять функции арбитра, пытаясь создать неустойчивое и подвижное равновесие между существующими моделями восприятия прошлого (Аникин, Линченко, 2017). При этом после 2014 года все более усиливается тенденция к созданию контролируемых организаций, которые могли бы выступать в роли экспертных сообществ (Миллер, 2015, с. 231).

В свою очередь усиление авторитарных тенденций в политике А. Лукашенко постепенно сужало пространство действия негосударственных акторов и политических сообществ, идущих вразрез с официальной исторической политикой. Вместе с тем после 2014 года ситуация в некоторой степени изменяется, когда под впечатлением Евромайдана в Киеве, а также крымских событий идет, с одной стороны, процесс «мягкой белорусизации», выразившейся в актуализации дискурса сохранения и развития русского языка и этнической культуры, а с другой стороны – обратное движение части общественных сил и политических объединений навстречу власти. Данное движение и формирование своеобразного «социального мира» в стране характеризуется А. Браточкиным как «консервативный консенсус» (Браточкин, 2016). Еще более интересным данный факт представляется в свете процессов сближения в массовой исторической памяти белорусов разных версий истории, сформировавшихся в 1990-е годы (Ластоўскі, Яфімава, 2013).

Как показывают недавние исследования, не получили основополагающей роли в исторической политике России и Беларуси и религиозные акторы. В обеих странах имеет место избирательное отношение государства к религиозным организациям и ситуативное их использование на отдельных этапах исторической политики (Донцев, Бойко, 2019, с. 33).

*Историческая политика России и Беларуси:
от этики долга к этике исторической ответственности*

Ключевой тезис нашей работы состоит в том, что рост консервативных тенденций и национально-ориентированных интерпретаций истории в исторической политике в России и Беларуси вряд ли будет способствовать сближению двух государств, несмотря на роль памяти о Великой Отечественной войне, совместные страницы политической и культурной истории, общеславянскую культуру и важное место православных ценностей в жизни рядовых россиян и белорусов. Проблема в данном случае заключается в том, что сама по себе традиционная этика, которую можно было бы назвать «этикой долга», создает серьезный мировоззренческий барьер на пути согласования исторической политики государств.

Традиционная нравственность, к основным ценностям которой относится половозрастная иерархия, коллективизм, патриотизм, трудолюбие и уважение к воинскому этосу, относится к своему прошлому серьезно и неререфлексивно. В таком случае сообщество переживает собственные моральные ценности как эксклюзивные, и считает их защиту (в т. ч. вооруженную) не просто этически оправданной, но нравственно обязательной. Поэтому когда белорусские мыслители выстраивают концепцию исторического прошлого Беларуси как целиком традиционалистскую, его ключевыми моментами оказываются войны (в том числе с восточными соседями), победы и поражения в которых становятся критерием этической оценки исторического опыта. Российский традиционализм в этической интерпретации прошлого выглядит точно так же, поэтому обращение к «традиционной нравственности» как основе этической интерпретации исторического опыта двух народов чревато, скорее, конфликтами, чем единством.

В трудах М. Вебера, Т. Адорно, Г. Йонаса этика ответственности противопоставляется «этике долга», для которой чистота и универсализуемость мотивов поступка является достаточной гарантией его моральности. «Этика долга» как воплощение идеалов культуры модерна подразумевает существование единственно верной морали, до которой должны «дорости» все участники исторического процесса. Нетрудно понять, что применение такого критерия в отношениях Беларуси и России приводило к обоснованию «западнорусизма» и общей стратегии «большого брата», или наоборот – отношению к русской культуре в Беларуси в контексте идеи деколонизации.

В этике ответственности само понятие «ответственность» перестает трактоваться исключительно ретроспективно как вина за содеянное, за отклонение от должного. Она перестает «возлагаться» вышестоящей по отношению к субъекту инстанцией или «приниматься» им. Ответственность связывается со свободой и является способом ее осуществления, изначально трактуется

как проективный и позитивный способ утверждения себя в мире. Главным предметом ответственности становится жизнь Другого. Этика ответственности является практико-ориентированной, изначально исследующей последствия предпринятых поступков и высказываний.

Прагматический аспект этических интерпретаций исторического опыта проявляется в их целевом предназначении. В контексте этики ответственности, желая построить гармоничное будущее, необходимо не только акцентировать моменты общности исторического опыта разных стран, но и прояснять бывшие в истории конфликты. Однако цель этого прояснения должна быть не ретроспективной («возложить вину и наказать»), а обращенной в будущее («выяснить, покаяться, простить и жить дальше»). В данном случае реализуется именно общечеловеческая перспектива интерпретации событий, стоящая выше национальных оценок. Другими словами, речь также идет о росте значения индивидуального исторического сознания и самой среды коммуникации между государственными и негосударственными акторами исторической политики.

Насколько белорусское и российское общество готовы к данной постановке вопроса? Ответ в данном случае будет скорее отрицательным. Если принимать во внимание аргументы А. Браточкина (Браточкин, 2016) и А.И. Борозняка (Борозняк, 2014), то ключевой причиной является как рост консервативных настроений в массовом сознании, так и слабая институционализация идеи прав человека, на базе которой негосударственные акторы могли бы играть на равных с государством на поле культурной памяти. К этому можно было бы добавить определенную инертность политических и общественных акторов в Беларуси и России, их нежелание переходить границы патриотической риторики.

Заключение

Таким образом, несмотря на большой исторический опыт жизни в совместном государстве, важную роль православных ценностей и славянской культурной традиции будет существенным упрощением говорить о высокой степени общности культурной памяти современной России и Беларуси. Несмотря на то что в обоих государствах центральным событием культуры памяти продолжает оставаться Великая Отечественная война 1941–1945 гг., отношение к советскому времени уже не является ключевой этико-мировоззренческой основой интеграции. Это связано не только со спецификой форм посткоммунизма, сложившихся в России и Беларуси, но и с различием темпоритмов исторической политики. Современный этап реализации исторической политики и в России, и в Беларуси по-прежнему связан с доминированием государства, и демонстрирует явные тенденции роста консервативных, национально-ориентированных ценностей в обращении к прошлому. Это вряд ли будет способствовать сближению двух государств, поскольку в основе их лежит традиционная этика долга, воспроизводящая в различных формах этноцентризм. В этой связи перспективный путь состоит в развитии ценностно-нормативных оснований исторической политики на основе этики исторической ответственности. Это означает, что необходимо не только акцентировать моменты общности исторического опыта разных стран, но и прояснять бывшие в истории конфликты.

Однако цель этого прояснения должна быть не ретроспективной («возложить вину и наказать»), а обращенной в будущее («выяснить, покаяться, простить и жить дальше»). В данном случае реализуется именно общечеловеческая перспектива интерпретации событий, стоящая выше национальных оценок и фундированная коммуникацией между государственными и негосударственными акторами исторической политики.

Список литературы

1. Аникин, Д. А., Линченко, А. А. (2017). Избирая память? Политические партии в России как акторы исторической политики. *Studia Humanitatis*, 4. Взято 14 марта 2020, с <http://st-hum.ru/content/anikin-da-linchenko-aa-izbiraya-pamyat-politicheskie-partii-v-rossii-kak-aktory>
2. Бахлова, О. В. (2019). Национальная идентичность и институты социальной и исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*, 2, Ч. 2, 541–546.
3. Бордюгов, Г. А. (2011). «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI.
4. Борозняк, А. И. (2014). *Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века*. М.: РОССПЭН.
5. Браточкин, А. (2016, 25 ноября). *Культура памяти в Беларуси (1988–2016): от раскола к консервативному консенсусу? Советское наследие в политическом и историческом воображении белорусов: тенденции отталкивания и апроприации*. Взято 14 марта 2020, с <http://gefter.ru/archive/20174>
6. Буховец, О. (2010). Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации». В Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов, *Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя* (с. 15–51). М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI.
7. Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. (2009). Молодежь России: демографические тенденции и историческое сознание. *Мониторинг общественного мнения*, 6, 5–37.
8. Донцев, С. П., Бойко, С. И. (2019). Религиозный фактор политики памяти в современных России и Беларуси: сравнительный анализ. *Вестник Финансового университета, Гуманитарные науки*, 4, 25–35. doi: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-25-35
9. Кисель, К. (2018). Политика памяти в Республике Беларусь в отношении советского периода (на примере школьных учебников и учебно-методических пособий по истории). В Г. Я. Миненков (Отв. ред.), *Европа-2017. От печатного слова к знанию: локальные традиции и глобальный переход: сб. науч. тр.* (с. 13–18). Вильнюс: ЕГУ.
10. Коршунов, Г. П. (2019). Проблема исторической памяти на цифровом изломе эпох. В Г. П. Коршунов (Ред.), *Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч. – практ. конф., г. Минск, 26–27 сентября 2019 г.* (с. 5–7). Минск: ООО «СУГАРТ».
11. Ластовский, А. (2009). Специфика исторической памяти в Беларуси:

между советским прошлым и национальной перспективой. *Вестник общественного мнения*, 4(102), 88–99.

12. Ластоўскі, А., Яфімава, Н. (2013). Вытокі нацыянальнай дзяржаўнасці ў беларускай гістарычнай памяці. *ARCHE*, 2, 411–448.

13. Лінднэр, Р. (2003). *Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст.* Спб.: Неўскіпрасцяг.

14. Малинова, О.Ю. (2018). Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов. *Полис. Политические исследования*, 2, 37–56. doi: 10.17976/jpps/2018.02.04

15. Марплз, Д., Падгол, У. (2008). Палітыка новай памяці ў другой расійскамоўнай дзяржаве. *ARCHE*, 11, 91–100.

16. Миллер, А.И. (2012а). Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. В А.И. Миллер, А. Липман (Ред.), *Историческая политика в XXI веке* (с. 7–33). М.: Новое литературное обозрение.

17. Миллер, А.И. (2012b). Историческая политика в России: новый поворот? В А.И. Миллер, А. Липман (Ред.), *Историческая политика в XXI веке* (с. 328–368). М.: Новое литературное обозрение.

18. Миллер, А.И. (2015). Политика памяти в России: роль экспертных сообществ. В О.Ю. Малинова (Ред.), *Символическая политика. Политические функции мифов. Сб. науч. тр. Вып. 3.* (с. 210–236). М.: ИНИОН РАН.

19. *От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян.* (2007). М.: ВЦИОМ.

20. Шадурский, В.Г. (2014). Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого. *Труды факультета международных отношений БГУ. Вып. 5.* (с. 9–24). Минск: БГУ.

21. Rudling, P. (2008). “For a Heroic Belarus!”: The Great Patriotic War as Identity Marker in the Lukashenka and Soviet Belarusian Discourses. *Sprawy Narodowosciowe (Nationalities Affairs)*, 32, 43–62.

References

1. Anikin, D.A., & Linchenko, A.A. (2017). Izbiraja pamjat'? Politicheskie partii v Rossii kak aktory istoricheskoy politiki [Choosing a memory? The political parties in Russia as actors of historical politics]. *Studia Humanitatis*, 4. Retrieved March 14 2020, from <http://st-hum.ru/content/anikin-da-linchenko-aa-izbiraya-pamyat-politicheskie-partii-v-rossii-kak-aktory>

2. Bahlova, O.V. (2019). Nacional'naja identichnost' i instituty social'noj i istoricheskoy pamjati v Rossijskoj Federacii i Respublike Belarus' [National Identity and Institutions of Social and Historical Memory in the Russian Federation and the Republic of Belarus]. *Bol'shaja Evrazija: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*, 2, Ch. 2, 541–546.

3. Bordjugov, G.A. (2011). “Vojny pamjati” na postsovetskom prostranstve [“Memory wars” in the post-Soviet space]. М: AIRO-XXI.

4. Boroznjak, A.I. (2014). *Zhestokaja pamjat'. Nacistski jrejh v vosprijatii nemcev vtoro jpoloviny XX i nachala XXI veka* [Cruel memory. Nazi Reich in the perception of the Germans of the second half of the twentieth and the beginning

of the XX century]. M.: ROSSPJeN.

5. Bratochkin, A. (2016, November 25). *Kul'tura pamjati v Belarusi (1988–2016): ot raskola k konservativnomu konsensusu? Sovetskoe nasledie v politicheskom i istoricheskom voobrazhenii belorusov: tendencii ottalkivaniya i apropiacii* [Culture of memory in Belarus (1988–2016): from schism to conservative consensus? Soviet legacy in the political and historical imagination of Belarusians: tendencies of repulsion and appropriation]. Retrieved March 14, 2020, from <http://gefter.ru/archive/20174>

6. Buhovec, O. (2010). Istoriopisanie postsovetskoj Belarusi: demifologizaciya "remifologizacii" [Historiography of post-Soviet Belarus: the demythologization of "remythologization"]. In F. Bomsdorf, & G. Bordyugov (Eds.), *Nacional'nye istorii na postsovetskom prostranstve – II. Desyat' let spustya* (pp. 15–51). M.: Fond Fridriha Naumanna, AIRO-XXI.

7. Gorshkov, M.K., & Sheregi, F.E. (2009). Molodezh' Rossii: demograficheskie tendencii i istoricheskoe soznanie [Russian Youth: Demographic Trends and Historical Consciousness]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 6, 5–37.

8. Doncev, S.P., & Bojko, S.I. (2019). Religioznyj factor politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Belarusi: sravnitel'nyj analiz [The religious factor of memory policy in modern Russia and Belarus: a comparative analysis]. *Vestnik Finansovogo universiteta, Gumanitarnye nauki*, 4, 25–35. doi: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-25-35

9. Kisel, K. (2018). Politika pamyati v Respublike Belarus' v otnoshenii sovetskogo perioda (naprimere shkol'nyh uchebnikov i uchebno-metodicheskikh posobij po istorii) [The politics of memory in the Republic of Belarus in relation to the Soviet period (based on school textbooks and teaching aids on history)]. In G.Ya. Minenkov (Ed.), *Evropa-2017. Ot pechatnogo slova k znaniyu: lokal'nye tradicii i global'nyj perekhod: sb. nauch. tr.* (pp. 13–18). Vil'nyus: EGU.

10. Korshunov, G.P. (2019). Problema istoricheskoy pamyati na cifrovom izlome epoh [The problem of historical memory on the digital break of eras]. In G.P. Korshunov (Ed.), *Istoricheskaya pamyat' o Belarusi kak factor konsolidacii obshchestva: materialy Mezhdunar. nauch. – prakt. konf., g. Minsk, 26–27 sentyabrya 2019 g.* (pp. 5–7). Minsk: OOO «SUGART».

11. Lastovskij, A. (2009). Specifika istoricheskoy pamyati v Belarusi: mezhdru sovetskim proshlym i nacional'noj perspektivoj [The specifics of historical memory in Belarus: between the Soviet past and the national perspective]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 4(102), 88–99.

12. Ластоўскі, А., Яфимава, Н. (2013). Вытокі нацыянальнай дзяржаўнасціў беларускай гістарычнай памяці [The origins of nationhood in the Belarusian historical memory]. *ARCHE*, 2, 411–448.

13. Лінднэр, Р. (2003). Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. [Historians and power. Natsyyatvorchy process and historical policy in Belarus in the XIX–XX]. Спб.: Неўскіпрацяг.

14. Malinova, O.Yu. (2018). Kommemoraciya stoletiya revolyucii(j) 1917 goda v RF: sravnitel'nyj analiz sopernichayushchih narrativov [Commemoration of the centenary of the revolution(s) of 1917 in the Russian Federation: a comparative analysis of rival narratives]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, 37–56. doi: 10.17976/jpps/2018.02.04

15. Марплз, Д., & Падгол, У. (2008). Палітыка новай памяціў другой расійска моўнай дзяржаве [Politics of the new memory in the second Russian

language state]. *ARCHE*, 11, 91–100.

16. Miller, A. I. (2012a). Istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI v. [Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XXI century]. In A. I. Miller, & A. Lipman (Eds.), *Istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope* (pp. 7–33). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

17. Miller, A. I. (2012b). Istoricheskaya politika v Rossii: novyj povorot? [Historical politics in Russia: a new turn?] In A. I. Miller, & A. Lipman (Eds.), *Istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope* (pp. 328–368). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

18. Miller, A. I. (2015). Politika pamyati v Rossii: rol' ekspertnyh soobshchestv [The politics of memory in Russia: the role of expert communities]. In O. Yu. Malinova (Ed.), *Simvolicheskaya politika. Politicheskie funktsii mifov. Sb. nauch. tr. Vyp. 3.* (pp. 210–236). M.: INION RAN.

19. *Ot El'cina do Putina: tri epohi v istoricheskom soznanii rossiyan* (2007). M.: VCIOM.

20. Rudling, P. (2008). “For a Heroic Belarus!”: The Great Patriotic War as Identity Marker in the Lukashenka and Soviet Belarusian Discourses. *Sprawy Narodowosciowe (Nationalities Affairs)*, 32, 43–62.

21. Shadurskij, V. G. (2014). Istoricheskaya politika v Respublike Belarus': etapy razvitiya i versii interpretatsii proshlogo [Historical politics in the Republic of Belarus: stages of development and versions of interpretation of the past]. *Trudy fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij BGU. Vyp. 5.* (pp. 9–24). Minsk: BGU.